

„Натюша Маслова“ Л. Толстого в театре ОСАНАИ

фабриках, в угольных районах и в деревнях создала театру настоящую большую популярность. В небольшой зал, рассчитанный не больше чем на 500 человек, — втискивается добрая тысяча. Сидят, тесно прижавшись друг к другу на сплошных деревянных скамьях, сидят, по-японски поджав ноги, прямо на полу, в проходах и простенках, подостлав лишь свежий номер газеты. Часами терпеливо просят у боковых стен. В первых рядах — организованные посетители спектакля. Профсоюзы проводят культурные походы своих членов по нашему образу. Индустриальные рабочие, трамвайные кондуктора, автобусники, печатники, текстильщики — приходят группами человек в пятьдесят, вваливаются ватагой, шумно рассаживаются. Молодые лица, усталые, но оживленные предвкушением спектакля.

В конце зрительного зала расположилась группа полицейских с маленькими электрическими фонариками в руках.

Когда в зрительном зале потухнет свет, как голодные шакалы расплзутся эти „ину“ (по-японски — собака) по проходам; фонарики осветят лица „опасных“, и „ину“ продвинуется по служебной лестнице. Один из них сидит за особым попиром с текстом пьесы и следит за ненарушимостью текста. Малейшая вольность — и на спектакль накладывается запрет.

В 1927 году театр ставил пьесу Мураяма „Спуск на воду“. Полицейская цензура приостановила первый же спектакль. Актер Сасаки, переодетый к следующему выходу в гриме Вильгельма II, полураздетый, выскочил на сцену (занавес был спущен) и пытался переубедить собравшихся там чинов полиции. Тогда один из актеров поднял занавес, и упорно нерасходившаяся публика стала свидетельницей своеобразного зрелища. Полураздетый, уса́тый Вильгельм —

А. Рабочий и театр 17/хл-32.

В центре европейской части Токио — Императорский театр. Здесь все „под“ капиталистическую Европу. В партере — европеизированные японские дамы в „ивнинг-дрессах“ и палантинах; на галерке, согласно вполне интернациональным традициям, — знатоки, ценители, эстеты из „нищих студентов“ и художественной богемы. На сцене — Жанна д'Арк, молодая талантливая актриса Мидзутани Яйко. Она не ханжа, не истеричка и не кликуша. Мидзутани — Жанна — скорее ловкая авантюристка; тонкое сочетание „высоких идей“ христианства с... предпринимательским духом. Почтенный японский буржуа, в меру преданный религиям отцов, либерален в отношении христианских идей, беспрепятственно открывающих путь к эксплоатации, угнетению и наживе.

В нескольких минутах ходьбы от Императорского театра, — в районе, примыкающем к главной улице Токио — „Гинза“, тесной от людей, автомагазинов-гигантов и крошечных ночных ларьков, — красуется национальная гордость японцев — „Кабуки-дза“. Архитектура фасада выдержана в старо-японском стиле; внутри — модернизированная роскошь: люстры, дорогие ковры, зеркала. В фойе, перед старинными шелковыми гобеленами, восстанавливающими целые мизансцены из давних постановок Кабуки, внимательные, почти благоговейные лица японцев в дорогих шелковых кимоно. Здесь, в этих стенах, фильтруется патриотическая знать, тонкие ценители классического японского театра, рафинированные поклонники старины. В наши дни зал обычно наполовину пуст. Ценители из знати вырождаются, геронка феодального

рыцарства уже не волнует широкие массы современной Японии; билеты дороги, — 7, 8 иен (цена — около рубля) не по карману обывателю. Да и предпочтительнее истратить их по соседству, в „Токийском театре“, где в откровенной ставке на развлекательство, совсем как в „настоящем“ „Фоли-Бержере“, хорошо выдрессированные и в меру раздетые американизированные японки старательно выплясывают свои „зажигательные“ номера.

В часы, когда к подъездам театров подкатывают автомобили, когда под церемонные поклоны капельдинерш по ковровым лестницам вестибюлей жеманно поднимаются надушенные японские „лэди“, в одном из переулков, недалеко от „Гинза“, зажигаются огни единственного театра Японии, зал которого никогда не бывает пуст, к кассе которого постоянно протягивается длиннейший хвост людей. К его подъезду не подкатывают автомобили. Сюда едут в надземках и подземках, в трамваях и на велосипедах, сюда идут пешком со всех концов многомиллионного Токио. Очередь за билетами — постоянное явление. В очереди — усталые, хмурые люди, просто, вернее — бедно одетые, — пролетарии Токио. Билет на любое место стоит одну иену, члены профсоюзов платят всего 30 сен.

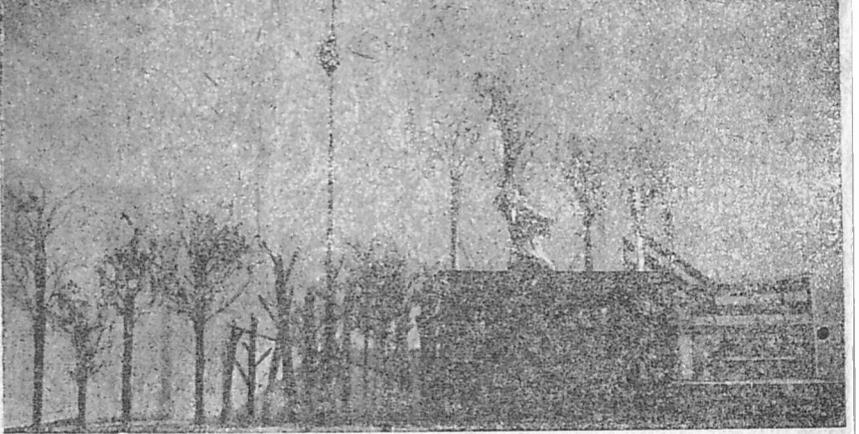
Это пролетарский театр Японии — „Саеку-Гекидзе“. Он существует 10 лет. Девять лет тому назад, воспользовавшись паникой, вызванной великим землетрясением 1923 года, полиция убила его основателя Хирасава Кейсти. За девять лет театр успел создать биографию. Работа стационара в Токио, передвижек — на заводах,

„Шторм над Азией“ („Потомок Чингис-Хана“) в постановке Пролетарского театра

Сасаки чуть ли не с кулаками бросается на обступивших его „ину“. Эта сцена вызвала невероятный взрыв энтузиазма всей толпы. Люди вскакивали с мест, взбирались на сцену, говорили речи... Сасаки как был в гриме Вильгельма, так и попал в полицейский участок...

Но случается, „ину“ забывает о тексте. Подперев голову обеими руками, он вливается круглыми стеклами глаз в сцену, он забывает о своих обязанностях; может быть, он даже взволнован? На всякий случай, полицейские власти страхуются. Одни и те же „ину“ никогда не посылаются в „Саеку-Гекидзе“. Естественно, бывая часто в этих стенах, наблюдая эту толпу людей, с такой жадностью глотающую каждое слово актера, слушающая новые слова, призывы к иной жизни, — даже „ину“ способен придумать о несправедливости в мире. А „ину“, размышляющий о социальном неравенстве, — какой же он „ину“? И вот, во избежание опасности „разложения“ почтенных чинов полиции, последние, за исключением особо проверенных, не посылаются вторично в „Саеку-Гекидзе“. Зато „особо проверенные“, „здоровые духом“ сыны императора хлопочут вас при выходе из театра по карманам с такой неожиданностью и быстротой, что только на улице, опомнившись, вы соображаете, что вас обыскивали. И невольно у аудитории вырабатывается ответная „военная“ тактика. В школьные годы практиковался такой способ „извода“ нелюбимых учителей: стиснув зубы, не позволяя дрогнуть ни единому мускулу на лице, школьники с беспечным видом мычали какую-нибудь первую попавшуюся несенку. Установить, кто виноват, при таких условиях абсолютно невозможно. Попробуйте уличить виновника, когда тысяча человек, как один, с плотно сомкнутыми губами мычат „Интернационал“. Американская компания „Колумбия“, учтя вышесказанную в широчайших массах мира

Сцена из пьесы „Газ“ в Пролетарском театре

популярность пролетарского гимна, выпустила в свет десятки тысяч граммофонных пластинок с мало говорящей написанием: „Рабочий май. Марш“. Рабочий май — не что иное, как лишь стыдливо задрапированный измененными концовками, чуть тронутый арранжировкой „Интернационал“. Буквально, ни один спектакль „Саеку Гекидзе“ не обходится без „Рабочего мая“. Состарившаяся пластинка, пускаемая через радио-репродуктор, — крипит, шипит, фальшивит. И каждый раз, не успеет из хрипа и неопределенного мычания выкристаллизоваться первая фраза, как толпа подхватывает ее. Пение вызывало обычно запрещение спектакля. Тогда стали петь с закрытыми ртами. Взбешенные „ину“ вьются ужами в проходах; фонарики светят прямо в лица „мычащих“. Лица спокойны, рты закрыты. Иногда начинают дразнить полицию топаньем ног в такт музыке. Приближается „ину“ — топот стихает, удаляется — он громче прежнего.

Проездом из Берлина в Токио, он на неделю остановился в Москве и не Осанаи и не Макс Рейнгарт, а недельное пребывание в Советском союзе определило его дальнейшие театральные позиции. Увлеченный Советским союзом, его театрами и в частности Мейерхольдом, он по приезде в Токио занял позиции, близкие к „Саеку Гекидзе“ и, наконец, стал его членом. Ему, между прочим, принадлежит одна из лучших постановок театра „Шторм над Азией“. Пьеса была написана по советской кинокартине „Потомок Чингис-Хана“ молодым драматургом Миакити Оно, ныне арестованным вместе с группой Фудзимори. „Шторм над Азией“ — потрясающий спектакль. Его действие на аудиторию — огромно. Он идет почти под непрерывные аплодисменты. Из темной глубины зала несется: „Да здравствует революция в Монголии“, „да здравствует коммунистическая партия Монголии“. Это под носом у „ину“, с риском попасть в тюрьму. Работникам пролеттеатра приходится держать „теснейшую связь“ с этим учреждением. Почти все они поочередно арестовываются, и тюрьма, полицейский участок, аресты, — вошли, так сказать, в их быт. В быт их входят зачастую и голод и холод. Театр не в состоянии оплачивать их труд. Работа актера, режиссера, драматурга „Пролетарского театра“ — революционный долг. Заработков приходится искать на стороне. Женщины работают манекенщицами в модных магазинах, танцуют с любителями фокстротта в данс-холлах, служат машинистками... Мужчины пускаются во все тяжкие газетно-журнальной работы, переводят, пишут. Все это утомляет, полтачивает здоровье, но не снижает их революционного энтузиазма. Почти все работники театра участвуют в кружках, занимающихся театральными проблемами, историей и социологией искусства, теорией драматургии, техникой сцены. Японский „Пролетарский театр“ — не только театр агитации и пропаганды, это высоко-профессиональный творческий коллектив.

Актер Эйдзабуро в театре „Кабуки-Дза“

В коридорах фойе, неуютных, тусклых, — теснота и давка. Стопились у столыков с продающимися открытками. Здесь снимки рабочих демонстраций, уличных боев с фашистами; здесь фото любимых актеров и актрис, — маленькой Яомото, которой фашистские молодчики, в шахтах острова Кюсю, бросили на голову граммофон... Здесь вожди японского революционного движения, казненные, сидящие в тюрьмах. В отдельной пачке здесь Ленин, Сталин, Горький...

Здесь же продается журнал „Сенки“ („Боевое Знамя“) — орган Ассоциации пролетарской литературы.

Стены зрительного зала также тусклы, как стеньга фойе. Скупой электрический свет, облезающая штукатурка, стертый деревянный пол, — все говорит о бедности театра. Когда-то здесь шли спектакли Осанаи, крупнейшего театрального новатора Японии, последователя Станиславского. После его смерти в среде его учеников началось брожение, приведшее к расколу его театральной школы. Большая часть учеников примкнула к „Саеку Гекидзе“, остальная распалась на самостоятельные театральные коллективы. Среди первых — Хидзиката, учившийся многие годы у Макса Рейнгарта.